

Галия Мавлютова

**Цветок
душевного
стриптиза**

русский ^{любовный}
роман

Галия Мавлютова

Цветок душевного стриптиза

«ЭКСМО»

2007

Мавлютова Г. С.

Цветок душевного стриптиза / Г. С. Мавлютова — «Эксмо»,
2007

Замуж... Умница-красавица Настя страстно хотела замуж. И не просто так, а только по любви. Денис Черников, предлагавший ей руку и сердце, любви не вызывал. Даже хуже – Настя боялась и ненавидела его. Получив отказ, Денис попросту уволил девушку с работы. И теперь единственным, что радовало ее, были сны. В них к Насте приходил таинственный незнакомец, и они страстно любили друг друга... Но сны – это только сны. Что нужно сделать, чтобы они стали реальностью? Может, вывернуть свою душу наизнанку, страдая так, что хуже, кажется, уже не будет?..

© Мавлютова Г. С., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мавлютова Галия Сергеевна

Цветок душевного стриптиза

Часть I

Костер ведьмы

Глава 1

Марк Горов. Марк. Горов. Гора. Горе. Мор. Марево. Слишком много «р». Р-р-р. Все рычит, изворачивается, переплетается, будто внутри этого имени, глубоко внизу, под спудом, скрыто нечто горбатое и зловещее и оно стремится вылезти наверх, преодолевая трудности. Наверное, это «нечто» к тому же очень большое и громоздкое, этакое жирное существо, обожающее пожирать молоденьких девушек, их подают Горову на большом блюде. Обнаженными. На завтрак. Бр-р-р. Жуткая картинка. Я никогда не видела этого страшного человека, зато слышана о нем, по городу ходят разные слухи, в них нет ни одного доброго слова, зато сконцентрировано слишком много ненависти. Все неприличные эпитеты, какие существуют на свете, по обыкновению добавляются к этому имени. С неприкрытым удовольствием и вслух. Всем хочется унижить Марка Горова, хотя бы заочно. Я уже не могу слышать ругательства, скверные слова, анекдоты и оскорбления, пронзающие острыми жалами незнакомого мне человека. Надоело, опротивело, в ушах навязло злополучное имя, кажется, что оно навеки застряло в моем сознании. Маркгоровмаркгоровмаркгоровмаркгоров. Все вокруг пропиталось Марком Горовым, даже воздух стал плотным и сумеречным.

Так вот. Все по порядку. Этот злобный пожиратель хрупких девичьих тел по имени Марк Горов является владельцем нашей компании. «Максихаус». Строительные товары для дома и дачи. Прошу любить и покупать. Мы изготавливаем и продаем высококачественную продукцию. Всем коллективом. Инвесторы западные, рынок российский. Еще недавно мы все процветали. И сотрудники, и «Максихаус», и западные инвесторы. И даже Марк Горов. Мы были на плаву. И вдруг что-то изменилось. Непонятно – где. То ли в воздухе, то ли в политике, то ли в реальной действительности. К слову сказать, я ничегошеньки не понимаю в этой самой реальной действительности. Запуталась в ней, как в лесу. Заблудилась. Какие-то налоги, конкуренция, маркетинг, мониторинг. Скучно. Пресно. Не греет. Разумеется, я все понимаю и при этом ничего не понимаю одновременно. И вникать во все это мне не хочется. А все потому, что я хочу замуж. Давно хочу. Вот хочу замуж, и все тут. Хоть на куски меня режьте. В конце концов, вполне нормальное желание для благовоспитанной девушки. Я же не хочу стать наркоманкой или божественной тусовщицей. Не хочу. Не приведи господи, пронеси такую беду стороной. Я хочу выйти замуж. Это такая малость в нашей быстротекущей жизни. Именно поэтому меня не интересует политика и мониторинг, реальность и маркетинг. А зловещий Марк Горов пробуждает во мне лишь негативные эмоции. И этот ужасный человек решил вдруг продать наш общий «Максихаус». Не весь «Хаус», конечно, а отдельную его часть. Горов искренне считает, что наш общий «Хаус» – его собственность и он имеет право распоряжаться им, соотносясь с личными пристрастиями и настроениями. Ан нет. Вовсе нет. Мы все считаем «Макси» своим очагом. У нас здесь пенаты. Тепло. Светло. Сытно. Пахнет пирогами. Вкусно. На первом этаже бизнес-центра уютно расположилось корпоративное кафе. За небольшие деньги можно отлично пообедать, без изжоги и диареи. И зарплату в «Максихаусе» дают вовремя. Никогда не задерживают. Хорошо. Стабильно. Привычно. Теплое, питательное, вполне комфортабельное

болото. Сотрудники привыкли к «Хаусу». Любят его гораздо больше, чем дом родной. А теперь все мы остались за бортом жизни. Этот мерзкий Горов распорядился уволить всех сотрудников, не имеющих отношения к строительным материалам. Как для дома, так и для дачи.

Черт. Черт. Черт.

Именно я и не имею отношения к этим самым материалам. Ничего в них не смыслю. Просто ни хрена. Какое ужасное ругательство. Я ведь никогда не ругалась. Вообще. Ни разу. Потому что два года назад окончила филологический факультет. А в «Хаусе» работаю переводчицей. Шалей-валяй. Так все считают в фирме. К моей профессии принято относиться свысока. Все, дескать, потом исходят, спины гнут на стройках капитализма, хребты, шею сворачивают, а разные дамочки-переводчицы изнывают от скуки. «Не бей стоячего». Так окрестили в «Макси» мою деятельность. А все из-за того, что западные инвесторы редко наезжают в фирму. Изредка кто-то накатывает, неожиданно, внезапно, будто молния сверкнула морозной ночью, меня в срочном порядке выдергивают, будто репку, из офиса и вызывают в приемную. Надо спешить, перескакивать через ступеньки, чтобы прибыть на место дислокации вовремя. Далее следуют долгие часы сидения. Томительные минуты ожидания. Обычно на экстренных переговорах находится кто-то шибко грамотный и образованный, и мои знания и помощь остаются невостребованными. И вышколенные секретари чересчур вежливо, в изысканной и галантной форме выпроваживают меня за порог приемной. Дескать, идите-ка, барышня хорошая, отсюда подбру-поздорову. Куда подальше. А лучше в свой офис. И ждите вызова. Именно по этой причине я так и не встретила с Марком Горовым и не имела возможности полюбезничать с нашими симпатичными инвесторами. Женихи из золотой серии прошли стороной. Косяком. Как рыба в нерест. Девчонки наемни рассказывали, что один из иностранных акционеров – вполне завидная партия для холостой русской барышни. Молод, свободен, умен, хорош собой, к тому же в совершенстве владеет русским языком. Отличный кандидат в мужья, и зачем он наш родной язык выучил – делать ему больше нечего. Однажды на меня налетел настоящий смерч, и не где-нибудь, а в приемной «Макси». Когда я робко приоткрыла дверь, на меня налетело целое полчище мужчин, сбило с ног. От страха я чуть не умерла. Какой-то мужчина из толпы бережно поднял меня, подержал в воздухе и прислонил к стене, а затем пересадил в кресло. Я совсем не помню его лица, лишь запомнила его руки. Такие добрые, заботливые руки, мужские, надежные, мне бы такие. Я бы вышла за них замуж. Но, видимо, не судьба.

Моими профессиональными обязанностями в «Макси» до сих ужасных пор были переводы. С ума можно сойти. Документы, рекламации, доклады. Скука смертная. Спина уже сгорбилась от переводов. А теперь я вообще осталась без работы. Новым владельцам старые переводчицы не нужны. Но я ведь вовсе не старая. Очень даже молоденькая, юная, свежая, но, вероятно, у новых хозяев собственные толмачи имеются. Их много. На любой вкус. Только кликни, сразу на зов примчатся. Шумной стаей.

Все началось неожиданно. Беда свалилась, как снег на голову летом, в жару. В самое пекло. Первой уволили Наташку Вавилову. Это наша гордость. Всеобщая любимица. Звезда. Настоящая, не искусственная, и не фабричная какая-то, у Наташки и впрямь на голове сияет корона. Платиновая заколка. Звезда накопила денег и купила украшение в модном бутике – по случаю, на распродаже. Затем долго училась стильно закалывать волосы. Вид у Наташки величавый и гордый, королевский, одним словом. И непревзойденная звезда Вавилова оказалась первой в списках на вылет. Даже стильная заколка не помогла. Я долго утешала Наташку, баюкая на руках тренированное звездное тело с растерзанной душой.

– Наташ, почему они так с тобой поступили? – спросила я, тоскуя от собственной беспомощности.

В моей груди шевелилась слабая надежда, что меня-то как раз и не уволят. Это других выкидывают на улицу без выходного пособия. А лично меня никакая трагедия не коснется. А чуть позже я замуж выйду. Уже не до беды будет.

Так все думают. До поры до времени. Ведь горе с другими случилось, с чужими, незнакомыми людьми. Лишь бы не со мной. И я ничем не хуже социума. В голове такие же мысли, как у всех. А Вавилова вновь содрогнулась от рыданий на моих слабых руках. Потряслась, потряслась и вдруг выдала на-гора информацию. Она такое сказала, лучше бы уж занималась привычным делом, продолжала бы рыдать и трястись. Вволю, хоть до умопомрачения, главное, молча. У меня зубы застучали от ужаса, едва Наташка заговорила.

– Это Черников всех увольняет. Сволочь. Его проделки. Денис уволил нашу секретаршу раньше меня. Помнишь, в приемной работала, Юлей зовут. Она чуть с ума не сошла. Приходит на работу, а на ее месте уже другая сидит, девица какая-то незнакомая. И даже не разговаривает. Юля сразу к Черникову. А он от нее спрятался. Так и не вышел к ней. Ну, вызвали Юлю в кадры, и там ей всучили конверт с зарплатой за последние две недели, а пропуск отобрали. Потом оказалось, что Черников обучал новую девушку, даже на курсы устроил, а Юле ничего не сказал. И не предупредил об увольнении. Вот такие дела в «Хаусе» творятся.

– Вот скотина этот Черников, – сказала я.

И неожиданно для себя заплакала. А вдруг со мной так же поступят. Уволят без предупреждения. Ведь я не являюсь носителем ценного вклада в денежные потоки «Хауса». Моя работа убыточна по сути. Все иностранные капиталисты давно выучили русский язык. Вызубрили его назубок. И они не хотят видеть лишнего человека на переговорах. Нет человека – нет проблемы. И никакого вам промышленного шпионажа.

– Ладно, я пойду, Настя, извини меня, что-то я расслабилась, – сказала Вавилова и выпрямилась, краем мизинца поправила драгоценную булавку и сразу превратилась в королеву. В зареванную и чумазую, но – королеву.

– А куда ты? – сказала я и тут же прикусила язык.

Какое мне дело, зачем спросила, эгоистка проклятая, ведь все равно ничем не смогу помочь Наташке. У Вавиловой высокая квалификация, ей трудно будет устроиться куда-либо. В городе все знают, что Наташка Вавилова почти четыре года отработала в «Максихаусе». Теперь придется нашей звезде побегать, пошустрить, что-то объясняя потенциальным работодателям. А что – непонятно. Вероятно, нечто нечленораздельное и невразумительное. Это раньше просто было – разослала по фирмам резюме и сидишь себе ровно, в потолок плюешь, а тебе тут же позвонят и предложат работу на приличных условиях. Сейчас многое изменилось. Везде. Повсюду. В воздухе. В политике. В реальности. В этом я ничего не понимаю. Не девичьего ума дело. Я вздохнула. А Вавилова сделала слабую попытку улыбнуться.

– Ничего, Настя, не волнуйся за меня, что-нибудь придумаю, все устроится, – сказала звезда и, вяло взмахнув рукой на прощание, неуклюже поковыляла к выходу.

Я тупо смотрела ей в спину. Вавилова долго переговаривалась с охранником. О чем они могут так долго разговаривать, а-а, все понятно, замороженный соглядатай без пропуска вертушку не включает. А Наташкин пропуск уже в отделе кадров валяется. Магнитный такой, подлежит уничтожению. Я бросилась на помощь, надо же выручить звезду из неприятной ситуации. Но, увы, моя выручка не понадобилась. Наташка благополучно вырулила из бизнес-центра. Пока Вавилова беседовала с охранником, она приобрела былой уверенный вид. Бывшая звезда выплыла из здания королевской поступью. Жестокосердные кадровики лишь на время вывели Наташку из душевного равновесия. А я побрела в офис. Мое рабочее место находится на втором этаже. Весь день дышу кондиционированным воздухом в компании юных модераторов. Модераторы – это юноши и девушки из отдела рекламы. Они вечно суетятся, волнуются, бегают, как заведенные, снуют, будто челноки в швейной машине. Подбрасывают конкурентам взрывпакеты, гадят на рекламных плакатах, хулят строительные товары других компаний, дескать, в «Хаусе» все самое лучшее. Покупайте только наши товары. А то в морду получите ненароком. С рекламщиками весело. Кофе, шоколад, пепси. Нездоровая пища, но я обильно употребляю разные вредные напитки, с аппетитом трескаю шоколадные батончики, изгот-

ленные в виде мастерков и молотков, то есть активно поедаю добро, оставшееся от увеселительных рекламных мероприятий. Модераторы тоже загрустили. Им не до веселья. После увольнения их совершенно точно не примут на работу в конкурирующую фирму. Вежливо напомнят о взрывпакетах, о неприличных надписях на щитах, в общем, модераторам есть о чем задуматься. Они же ничего делать не умеют, только глумиться и пакостить за спиной у конкурентов. Я открыла словарь, попыталась выучить два новых слова. Каждый день заряжаю мозги. Загружаю в них по два слова. Весь день повторяю. Пытаюсь пополнить словарный запас. Но мои мозги временно заклинило. В них внедрялись только плохие слова. Ругательные. Как я ни старалась выудить из головы хотя бы одно доброе словечко, ничего не получалось. Мозги отказывались трудиться полноценно. Они искали выхлопа. Сквернословили даже на страницах словаря. Это ужасно. Я закрыла словарь. Посмотрела на часы. Пять. Можно собираться. Открыла сумочку. Покопалась, выискивая на дне разные тюбики. Помада есть. Красить губы не буду. У меня траур. Тушь есть. Ресницы оставляю в покое. Траур же. Понимать надо.

– Посмотрите в окно, вон грузчики пошли, их тоже кинули, – пронзительно заорал один из модераторов.

Самый веселый парень из всей компании, самый задорный, я считала его глупым и взбалмошным. А он узрел в окне вселенскую несправедливость. Я выглянула. Ужаснулась. Сжалась. Грузчики толпой уходили из «Макси». Что-то грустное и печальное исходило от их сгорбленных спин. Пейзаж за окном – как на картинах передвижников в Русском музее. Ничего страшного. Молодые ребята. Найдут работу. Грузить – не переводить. И я отошла от окна. Подальше от негатива. Нельзя подпитывать организм чужими отрицательными эмоциями. И внутренне скорчилась от нехорошего ощущения. Несладко живется на свете эгоисткам. Не видеть, не слышать, не чувствовать, лишь бы не расстраиваться. Но моим терзаниям не суждено было обрести новый виток развития. Раздалась телефонная трель. Пронзительная. Жуткая. Мистическая. Это местный коммутатор. Пришлось снять трубку. Лучше бы я этого не делала.

– Розанова, зайдите в восьмую комнату, – сказал женский голос, грудной, низкий.

И трубка загадочно утихла. Ни гудка, ни голоса. Я поняла, что настала моя очередь. Сейчас мне вручат пресловутый конверт. Тощий на ощупь. С зарплатой за две недели. Без выходного пособия. В нашем «Хаусе» нет профсоюза. Даже пожаловаться некому. Я поплелась в отдел кадров. Постучалась. Никто не ответил. Я заглянула в кабинет. За столом – молодой парень, грузный, большой, как слон, но злой. А слоны разве бывают добрые? И куда подевался женский голос? Спрятался, видимо. От греха подальше.

– Анастасия Николаевна, проходите, – сказал «слон». – Распишитесь, вот здесь и здесь.

– А здесь за что? – сказала я зачем-то.

– Трудовую книжку получили? – вопросом ответил кадровик. – Вот и распишитесь.

И зачем они забирали мою трудовую книжку, лежала бы она спокойненько дома, меньше бы бумаг пришлось заполнять при увольнении. Мысль колыхнулась и погасла, как восковая свечка. Догорела. Даже раздражения не было. Смешно. Меня увольняют, а я не плачу. Не переживаю. А ведь все плачут. Когда увольняют из большой компании – это плохо. И не просто плохо, это ужасно. На другую работу устроиться трудно. Почти невозможно. В трудовой книжке стоит тайный знак. Он мигает, как проблесковый маячок. Смотрите. Не пропустите. Этот человек не сам уволился. Его уволили. По сокращению. Не берите его на работу. И все. Будто границу закрыли на замок. Сиди теперь дома и жди своего часа. А во всем виноват Марк Горов. Человек-скала. Ведь согласно его распоряжению всех увольняют из компании. Всех без разбору. И меня в том числе. Я вспомнила Наташкины стенания и сдержала комок в горле. С трудом. Комок рвался на волю. Прямо на стол грузного кадровика. Я получила трудовую книжку и диетический конверт, но пересчитывать деньги не стала. Гордость не позволила. Положила на стол пропуск. И молча вышла. Слезы кипели, угрожая хлынуть бурной рекой

изо всех щелей. Ничего. Ничего страшного не случилось. Когда-нибудь уволят и этого пухлого кадровика. У него тоже работа – не бей лежачего.

Глава 2

Я выключила компьютер. Мое резюме ушло в столицу, разъехалось, разлетелось по городам и весям. В Питере и без меня много переводчиков всяких-разных. Их очень много развелось. Как перхоти. Чтобы прилично содержать дом, дачу, нормально питаться и хотя бы изредка отдыхать, мне срочно требовалась высокооплачиваемая работа. Таких мест в Северной столице не было. У нас не разбежишься. Маленький город. Почти городок. В Питере нужно кого-то подсидывать, ждать, ходить, договариваться, в общем, терпеть издержки безработного существования. В столице проще. Там много работы. Много денег. Поеду жить в столицу. Но на мое резюме никто пока не откликнулся, видимо, и в Москве стало тесно от безработных.

Приехала мама, чтобы оказать мне моральную поддержку. Радостно поругала Марка Горова. Грустно поплакала. Побродила по квартире. А потом сказала, обняв меня за плечи: «Настя, я тебя поддержу. Не отчаивайся. Помогу. Не брошу тебя на произвол судьбы. Ты у меня одна на всем свете. Я же у тебя работающая мать. А не какая-то там лентяйка».

В эту минуту мне стало легко на душе. У меня есть тыл. Крепкий. Можно собирать армию. А пока придется укреплять боевые позиции.

– Спасибо, мама, – сказала я и отвернулась, чтобы скрыть обильные слезы.

Они не текли, не сочились, слезы струились, будто в квартире внезапно началось наводнение. Наверное, это от чрезмерного употребления вредной модераторской жидкости. Мама ушла. А я еще долго сидела и перебирала в уме всевозможные варианты. Хорошо, что я не сирота и у меня есть работающая мама. Она ведь неплохо зарабатывает. Недавно купила машину. Смело рулит по жизни. Придется сесть маме на шею. Неприятно, конечно. А если бы я была одна на свете...

В этом месте мои глаза вновь наполнились слезами. Откуда они берутся? У меня явно нарушен водно-солевой баланс в организме. Я набрала номер. Руки дрожали от волнения. Трубка намокла, а я вся отсырела. Сейчас соседи прибегут. Начнут жаловаться на протечку. А я не лью воду, просто сижу и тихо плачу. Тихо, но бурно.

– Мам, спасибо тебе, что ты есть у меня, спасибо, родная, помни, что я тебя люблю, сильно-сильно, помни, ладно, мам, – бормотала я, вытирая слезы тыльной стороной ладони.

– Настя, успокойся, все будет хорошо, ты у меня талантливая, умная девочка. В жизни всякое бывает, успокойся, не плачь. Возьми себя в руки, прими разумное решение и действуй. Действуй, несмотря ни на что, – от маминых слов потеплело на душе.

Все будет хорошо. Вот и хорошо. И слезы мгновенно высохли. У меня есть мама. Подруги. Наташка Вавилова не в счет. Она сама является потерпевшей стороной. Ей тоже помощь требуется. Есть Ира Акимова. Замужняя Ира. Счастливая Ира. Акимова искренне любит меня. И еще есть Вера. Моя давняя подруга. Со студенческих лет дружим. Вера всем и всему завидует. Во всем найдет предмет зависти. Но она любит меня. Если мы долго не видимся, скучает. Внутри Веры сидит голодный червяк и поедает ее изнутри. Она страдает от чрезмерной завистливости, будто больна хроническим неизлечимым заболеванием. С каждым годом болезнь становится опаснее. Метастазы разрастаются. Но мы считаемся подругами, Вера черпает во мне силы, я являюсь для нее источником вдохновения, любимая наперсница работает в коммерческом издательстве. А там всегда нужны переводчики. Вдруг Вера поможет мне, пристроит, она ведь не такая плохая. Нет. Нельзя. Стоп-сигнал. К Вере нельзя обращаться за помощью. Она откажет, еще посмеется надо мной. Мысленно, разумеется. Она живет в ногу со временем. Сейчас все так делают. Думают, что все беды случаются с другими людьми, не с ними. Лучше позвоню Ирине. Акимова поможет мне хотя бы морально, похулит Марка Горова, поругает Черникова. А мне станет легче на душе. А Вере бесполезно звонить. Я набрала акимовский номер.

– Ир, как дела, куда ты пропала?

Недавно Акимова родила ребенка. Сначала хитрая женщина быстренько соорудила первого малыша, затем, не задерживаясь и не задумываясь, второго. Муж Коля не успел перекреститься. Вдохнуть вдохнул, а выдохнуть не успел. Акимова родила бы и третьего, назло свекрови, но, видимо, Колина мамаша активно воспротивилась столь буйному размножению сыновьего семени.

– Ой, не спрашивай, все как обычно, как всегда, ничего нового, дом, дела, заботы, дети, Коля, мамаша, посуда, пеленки, и так круглые сутки, – затараторила Ирина без остановки. Я едва слышно вздохнула. Ирина уже выпала из обоймы. Она не сможет мне помочь преодолеть даже сотню метров жизненного пути. Сейчас перечислит семейные тяготы по списку, ни одного пункта не пропустит, пожалуется на свекровь, дескать, совсем заела, утомительно перечислит недостатки мужа, и на этом монолог будет исчерпан. Чем вынудит меня изобразить безумный восторг по поводу бурного процветания семейного клана. Я уже сожалела, что позвонила ей.

– Лучше ты расскажи о себе, Настя, как дела, замуж не собираешься? – оглушительно раздалось в ухе.

Оказывается, Ирина давно закончила свой монолог. А я витаю в потустороннем мире. Не слушаю подругу. А жаль. Может, что-то увлекательное пропустила. Теперь уже не наверстать. Поезд ушел. Монолог останется тайной. Разговор двух глухонемых. Нынче все так разговаривают. Никто никого не слышит.

– Ир, а ты кого-нибудь из наших видишь? – спросила я, не надеясь услышать положительный ответ.

Да кому сейчас интересна Акимова – с двумя младенцами на руках, с двумя нахлебниками на плечах. В нахлебники я записала Ирину свекровь и мужа Колю. Коля уже давно сидит без работы. Нет. Перевод неточный. Муж Коля не сидит. Он лежит на диване. Даже не встает. А Акимова ему утку подносит. Эту сногшибательную новость я узнала от Вавиловой в ту пору, когда в «Макси» еще никого не увольняли в массовом порядке. Молодец Ирина. Кормилица. Мать Тереза. Мне захотелось срочно отключить телефон. Не хочу никакого сочувствия, ни от кого. Не могу никого слышать и видеть. Буду сидеть в своем коконе. Без работы. В гордом одиночестве. И никто мне не нужен. Сама пробьюсь наверх, как юный и упрямый росток. Но я почему-то не отключилась. Не знаю – почему. И то, что я услышала, перевернуло всю мою жизнь. Но я еще не знала, что моя жизнь когда-нибудь встанет на рельсы. Сейчас мой поезд валялся на обочине, разбитый вдребезги.

– Всех наших видела, я вчера в «Максехаус» за детским пособием ездила, – сказала Акимова.

Ирина замолчала, видимо, паузу выдерживала. Мне захотелось уяснить: дескать, а что, пособие всем желающим выдают, может, и мне что-нибудь положено, – но Ирина уже продолжила громкое вещание. Просто мегафон, а не подруга.

– Пособие по беременности получила. На второго, младшенького. Социалка выделила. В бухгалтерии на меня посмотрели, как на врага народа. Прямо пристрелить хотели. А когда деньги выдавали, так у них даже руки тряслись от жадности. Как будто они свои собственные бабки транжируют на чужих детей. Точно-точно, Настя, словно они сами совсем не женщины. И замуж не выйдут. И рожать никогда не будут. Обидно до слез. Я даже разревелась, не сдержалась.

– А у них врожденное бесплодие, – неловко пошутила я, вызывая в памяти серые бухгалтерские внешности, но ни одного лица так и не припомнила. – А что там «Максехаус», на месте стоит, не падает?

– Ой, да что с ним случится-то, Настя, стоит на месте, никуда не делся, процветает. Всех наших уволили, они вещи собирают. И еще – я видела Черникова, он такой крутой стал, богатый, деньги, наверное, в мешки складывает, – вздохнула Акимова.

Простодушная Ирина явно завидовала Денису Михайловичу Черникову, точнее, подруга тайно мечтала о том, чтобы на месте господина управляющего компанией немедленно очутился муж Коля. Самый незадачливый супруг на свете. Телефонная трубка завздыхала с неприкрытой завистью.

– Черников мне по секрету такую вещь рассказал, умереть можно. Но я ему детьми поклялась, что никому не расскажу. Никому. Даже тебе, Настя. Он с меня слово взял, что я молчать буду, как рыба.

Я вытаращила глаза. С каких это пор Денис Михайлович Черников поверяет тайны вечно декретной Акимовой? Я представила коридоры «Максихауса» и двух шепчущихся людей. Самый красивый мужчина планеты коршуном навис над грузной женщиной и о чем-то таинственно нашептывает на любопытное ушко, опасливо озираясь по сторонам. Да не может такого быть по определению. А почему бы и нет? Может. Запросто может. На этом свете и не такое случается. Черников – тоже человек. В фирме развелись разные интриги, склоки, сплетни, не компания, а змеиный клубок, бизнес-центр превратился в современный серпентарий, нормальному человеку невозможно вынести даже один день в жестком обхвате щупальцев незримых конкурентов. Задохнуться можно. Кислороду не хватает. Легкие захлопнулись. У всех сотрудников компании одновременно. Даже скрытному Черникову захотелось с кем-то поделиться грустью. Я вновь улыбнулась. Вряд ли Денис Михайлович Черников в трезвом уме и ясной памяти смог бы доверить Ирине Капитоновне Акимовой важные сведения. Даже в минуту глубокой задумчивости.

– Ир, ну что он мог тебе такого рассказать, разве байку какую или анекдот из жизни кормящих матерей, – сказала я, больше не надеясь услышать что-либо разумное. Мысленно же ругала самое себя самым нещадным образом. Зачем набрала номер, только даром трачу драгоценное время.

– Ты, Настя, не веришь мне, все хамишь, а я ради тебя старалась, – в момент обиделась Акимова.

Ирина громко всхлинула. А я вдруг спохватилась, даже испугалась немного, ведь Ирина – кормящая мать, у нее же молоко пропасть может, а я ей разные гадости вдуваю через трубку.

– Извини, дорогая, у меня есть еще дела, – торопливо сказала я, меняя тональность разговора, давая понять бывшей подруге, что наша беседа подошла к финалу.

Пора и честь знать. Мне еще резюме надо разослать. По странам ближнего зарубежья. Вдруг на Украине для меня приличное местечко найдется. С пышной зарплатой. С салом в придачу.

– Настя, ты все такая же бессердечная, какой была, такой и осталась, – залилась слезами подруга.

Даже моя трубка взмокла от потусторонних слез. Ирина громко рыдала, а я немного покраснела, щеки разгорелись. Жаль, что никто не видел. Я еще не утратила способности краснеть. Хороший признак, славный, он явно указывает на врожденную скромность обладательницы совести.

– Ир, ну успокойся, пожалуйста, я не хотела тебя обидеть, – сказала я, умирая от комплекса вины.

Умеет Акимова навесить на человека тяжкий крест покаяния. Не разучилась за время декретного отпуска. И квалификацию не утратила. Ей хорошо. Ирину не уволят. Беременных вообще не увольняют. До выхода из декретного отпуска. Как я хочу замуж! Кто бы знал. Сидишь себе в декрете, кормишь грудью младенца, и тебе ни до кого нет никакого дела. Красота!

– Настя, но мне так хочется тебе рассказать, – сказала вдруг Ирина.

В трубке сразу наступили покой и тишина. Облака рассеялись. Тучи прошли стороной. Разговор двух женщин обычно сводится к одной и той же теме. К мужским секретам. А у Ирины

нормальная женская натура. Типичная, обыкновенная. Ирина Акимова ничем не отличается от других женщин. Чужой секрет сидит в Ирине, вылезает из нее, пучится, и она не знает, на кого его излить. Семья и дети не избавили Ирину от женского начала. А я случайно попала в переплет: теперь либо я становлюсь обладателем чужой тайны, либо умираю от всепоглощающего любопытства. Если не захочу выведать тайну, не выслушаю подругу, так и сойду в могилу, изнывая от интереса и жажды познания. Умирать в неведении мне жутко не хотелось. Я вмиг забыла про свои беды. И подругу стало жаль: сидит бедная Ирка дома, воюет со свекровью, с неработающим мужем, возится с детишками, опустила, одомашнилась, а ей так хочется ощущения жизни в социуме, опьянения от коллизий и страстей, а все это добро Ирине еще долго не светит. Как, впрочем, и мне. Но Ирина мучается. Тайна распирает Акимову изнутри. Давит на мозжечок. Упирается в желудок. Так и последнего здоровья нетрудно лишиться. И я сжалась над кормящей подругой.

– Ладно, говори, а то тебя разорвет на куски, я еще и виноватой останусь, – сказала я.

Я долго сожалела потом, что не остановилась вовремя. Всегда знала, что становиться обладательницей важной информации чрезвычайно опасно для жизни, но мое знание было абстрагированным, опосредованным. И вот теперь я убедилась на себе. Поставила опыт.

– Настя, – прошипела Ирина, – Коля проснулся, я перейду на кухню, а то он услышит и мне от него попадет.

– А что, ты ему ничего не сказала до сих пор? – удивилась я.

Муж да жена – одна сатана. Неужели у Акимовой есть секреты от собственного мужа?

– Ничего он не знает, ему не положено знать, не дорос еще, – зловеще прошипело в ухе.

Муж Коля вымахал выше двух метров, рост два двадцать, кажется, или два десять – какая разница. В общем, гигант мысли. Но до обладания женскими секретами, по мнению добродетельной супруги, Коля все-таки не дорос. В ухе не только шипело, еще что-то звенело и гремело в отдалении, будто в акимовской квартире гроыхала артиллерийская канонада. Наверное, Ирина свекровь отстреливалась от варварского нашествия откуда-нибудь из туалета, надеясь пересидеть трудные времена. Колина мама всегда была против женитьбы сына. Любая претендентка на место невестки вызывала у нее рвотный рефлекс, а любое вторжение в маленький мирок, состоящий из мамы и сына, приравнивался к вражескому ополчению.

– Как же ты удержалась до сих пор, а если бы я тебе не позвонила, ты бы лопнула, как резиновый шар? – сказала я, болтая ногой от нетерпения.

Мне уже надоело вымучивать тайну, хотелось швырнуть трубку на пол и заняться поиском разумного маршрута, решить для себя, как жить дальше. Точнее, как благополучно выплыть из лабиринта проблем.

– Ой, Настя, точно лопнула бы, ты права. Я уже собиралась тебе звонить, – ясно и тихо раздалось в трубке.

Канонада утихла. Звуки утратили очертания. Картинка прояснилась. Ирина вошла на кухню и плотно прикрыла дверь. Мы остались втроем: я, моя подруга и наша общая тайна. Акимову убить мало за такие пытки. Мне не пережить эти мучения. Я ведь тоже женщина, хоть и незамужняя, бездетная, а с недавних пор еще и безработная.

– Да говори же ты, наконец, – взмолилась я, сгорая от любопытства, от меня уже дым повалил во все стороны. Вот какое любопытство во мне Акимова разбудила.

– Сейчас чаю налью, – сказала Акимова, и опять поплыли, потекли различные звуки. Звякнула посуда, полилась вода, громко рывкнуло радио, залилось многоголосьем и испуганно умолкло, чайная ложечка душераздирающе заскребла по дну чашки. Я закатила глаза. Да она с ума сведет меня. Развела китайскую церемонию. Я же умираю от ожидания. Сейчас сгорю, скончаюсь. И лапки кверху. А она чашками брякает. Это же надо уродиться такой идиоткой. Акимова патологически неисправима. Она была, есть и навеки останется умопомрачительной дурой.

– Ир, ну говори, а то я отключусь, – сказала я, надеясь, что легкий шантаж не помешает мне в достижении заветной цели.

Все было попусту. Шантаж не помог. Акимова тщательным образом готовилась к процедуре. Ирину можно было понять: она давно не болтала с подругами по телефону, не встречалась с друзьями и коллегами. Никто из компании не удосужился навестить Ирину после рождения второго ребенка. Из отдела кадров «Хауса» прислали в роддом цветочки, пакеты и забыли о сотруднице, будто она не ребенка родила, а в ящик сыграла. Умерла. Закончилась. Нет больше Акимовой. А она есть. Никуда не делась. Живет и здравствует. Хочет дружить, общаться, разговаривать, получать удовольствие от беседы, хотя бы по телефону. И мне стало стыдно. Могла бы уже навестить подругу, а не изводиться, сидя с прижатой к уху трубкой и онемевшей от неустанный качания ногой. Нервы ни к черту. Я попыталась успокоиться. Представила кухню со старинной горкой, стол с цветистой скатертью, чашку с горячим чаем, сахарницу, розетку с прозрачным вареньем, серебряную ложечку с витой ручкой. У Колиной мамы повсюду в доме старинное серебро. Муж Коля когда-то слыл богатым женихом, это сейчас он – временно неработающий, то есть БОЗ. Без определенных занятий. БОМЖ – это лицо без определенного места жительства. А Коля – типичный БОЗ, его недавно поперли из «Максихауса», кстати, уволили Николая по настоятельной рекомендации Дениса Черникова. Но Акимова не знает, по чьей инициативе муж остался без работы. Исходя из незнания и бабьего простодушия, Ирина проникновенно прижимается к холодному плечу Дениса Михайловича в момент получения детского пособия. Марк Горов олицетворяет собой образ врага всего коллектива компании. Горов все забирает. Отбирает. Выгоняет на улицу. А Денис Михайлович Черников вызывает у сотрудников доверие и нежность. Вдруг в будущем пригодится, когда-нибудь, ведь рано или поздно мужу Коле придется искать работу. Одна Ирина всю ораву не прокормит. Нет. Не прокормит. И я настроилась на нужную волну, приготовилась слушать женскую исповедь. Приподняла уши. Враги и друзья иногда меняются местами. Так устроена жизнь.

– Настя, Черников сказал мне по секрету, что он давно тебя любит и даже не прочь жениться на тебе. Ты слушаешь? – сказала Акимова, а я онемела. Эфир вновь заполнился звуками, что-то загремело, забренчало, застучало. – Закройте дверь, мама, я сказала!

Еще раз что-то стукнуло, гроыхнуло, и посторонние звуки исчезли, – видимо, оскорбленная в лучших чувствах акимовская свекровь смиренно удалилась, нещадно грохнув на прощанье дверью. Назло невестке. А приходила мама на контрольную проверку. Это же не свекровь, а целый генерал семейных войск.

– Настя, ты куда пропала, слышишь меня? – сказала Ирина, и я молча кивнула.

А что я еще могла делать? Слушала подругу, разумеется, говорить уже не могла, не было слов, они закончились, иссякли. Все силы нервы съели. Началось интенсивное истощение.

– Так вот, мне кажется, что Черников специально мне это сказал, чтобы я передала тебе эту новость, а ты как думаешь? – бешено протараторила Ирина, а я вся съезжилась.

Давно витали надо мной мухи подозрения, но, как могла, я отбивалась от них. Предчувствия могут обмануть. Не обманули. Денис Михайлович Черников решил открыть мне свое жестокое сердце посредством других людей. Использует любые возможности. Ловкач. Выжига. Деляга.

– Думаю, что, – глухо проворчала я, – быть женой Цезаря может только работник бухгалтерии. Им это к лицу. Всему коллективу. Разом.

– Опять прикалываешься, Настя, а я считаю, ты радоваться должна, обеими руками держаться за свое счастье. У тебя сейчас плохие дела. Совсем плохие. А ты не хочешь соломку под себя подстелить. Тебя никто не возьмет на работу в Питере. Никто. Черников намекнул мне, Настя, что тебе надо выйти за него замуж, иначе он тебя слопаёт. И что ты вообще теряешь, у вас же раньше были с ним какие-то отношения, – почти захлебывалась от нахлынувшего общения Ирина.

Акимова спешила выговорить секрет. Она хотела завершить удачную комбинацию. Торопилась, будто избавлялась от ценного груза. Сваха как-никак. А я внутренне взбесилась. Злой вестник нам не брат. И не сестра. Я уже ненавидела Акимову. И одновременно была благодарна ей, ведь дурные вести ниспосланы мне сверху. Они пришли от кормящей матери. Ни обиды, ни злобы, ни гнева во мне не было. Где-то внутри проснулось волнение. Сначала я не поняла, что со мной происходит: стресс, ярость? Нет. Я дура. Настоящая дура. Баба. Глупая женщина.

– Глупая женщина, – сказала я, пытаюсь обрести равновесие в своей душе, с трудом переваривая услышанное, – дура-баба, идиотка.

– Настя-я-я, – в трубке опять что-то зазвенело, на сей раз бестолково задребезжал голос Акимовой, – ты говори, да не заговаривайся. Зачем ругаешься плохими словами, ведь ты филолог по образованию?

– Ой, Ир, прости, пожалуйста, родная моя, это я себя ругаю, а от моего образования и следа не осталось, в голове никаких мыслей, одни ругательства, прости меня, – сказала я, прибавив нам с подругой немного родственных отношений.

Немного прибавила. Всего каплю. Для достоверности. Сработало. Как часы. Ирина обмякла. Набат заткнулся.

– Не ругай себя, Анастасия, по фэн-шую запрещено себя бичевать, надо постоянно хвалить собственную персону, лицо, фигуру, дом, мебель, тогда счастье валом повалит. Как манна небесная с неба посыплется. Мне тут книгу с фэн-шуями подсунили в книжном магазине. Я наизусть выучила все заповеди. Теперь живу и дышу сообразно восточной пропаганде, – сказала Акимова и куда-то исчезла.

Наверное, Ирина зажала трубку ладонью и дает указания младенцу, в какую сторону повернуть головку, чтобы получить бутылочку с молоком. Муж Коля и его мамаша плевали на акимовские указания, они неуправляемые, оба без руля и без ветрил. Ирина может раздавать инструкции только собственным детям. Одному чуть больше года, второй только что из роддома. Зато оба – послушные солдаты. Верные оруженосцы. Акимовой явно требовались мои комментарии. Иначе она не сможет передать донесение Черникову. Но шпионские страсти уже утихли.

– Ир, а как дети, не болеют, здоровы? – крикнула я в онемевшую трубку, но там уже было глухо и пусто.

Ирина Акимова давно пребывала в лоне семьи, она выговорила, освободила свой организм от чужого секрета. А я отключила сотовый, выдернула телефонный шнур из розетки. Избавилась от всякой связи с внешним миром, мне больше не нужны посредники при передаче дурных новостей. Итак. Все сначала. По порядку. Всеми фибрами души я хотела избавиться от назойливой связи, забыть Черникова, навсегда вычеркнуть его из своей жизни. Вырезать. Хирургическим методом. Лишь бы отсечь все лишнее. И выбросить на помойку. Мы не можем быть вдвоем. Мы не любим друг друга. Нам было весело поначалу, затем наступило охлаждение. Настоящее оледенение. Денис почему-то обожал заниматься любовью в нетривиальных местах. На ковре, в ванной комнате, на кухне. Однажды он прижал меня к работающей стиральной машине. Я испугалась. Но он нежно привлек меня к себе. Осторожно перенес мое тело, а сам прислонился к подрагивающему аппарату. Я даже не успела сообразить, в чем дело. Все произошло мгновенно. И Черников вошел в меня. Легко и плавно, в такт работающей машине. Будто включилось что-то космическое, нереальное, движения выталкивали меня изнутри и подталкивали снаружи, создавая вокруг неземное блаженство. Я больше не сопротивлялась, ослабела, полностью отдалась его воле. Страх прошел. И вдруг наступил восторг. Все вокруг стало призрачным, отстраненным, зыбким. Я находилась между сознанием и беспомощностью, стала невесомой, легкой, прозрачной, меня можно было просмотреть насквозь. Неожиданно я почувствовала внутри себя холод. Будто кто-то втолкнул в меня морозную струю и она создала внутри огромный холодильник. Денис Черников занимался любовью механи-

чески. Как стиральная машина. Как сексуальный вибратор. Из него выходил жгучий мороз, застывая во мне ледяными глыбами. Казалось, он жаждал передать холод мне, чтобы самому избавиться от внутренней стужи. Я закричала, оттолкнула Дениса. Мне стало страшно. Ледяной рыцарь. Робот. Станок.

Больше я его не видела. Я старалась не встречаться с ним. Избегала, пряталась. Прикрывала глаза, увидев его неподалеку, будто страус, зарывала голову в песок. И ведь всегда знала – рано или поздно Черников отомстит мне. И он отомстил. Уволил меня. Вторым номером. За номером первым в «черном» списке оказалась Наташка Вавилова, из женщин, имеется в виду. Женщины всегда первыми попадают под социальную гребенку. А теперь Денис Михайлович сделает все, чтобы меня нигде не приняли. Отрекомендует новому работодателю свою бывшую сотрудницу как полагается – по всем канонам мужского самолюбия. Обидно. До слез обидно. И я вновь заплакала. Не помню, как уснула, даже никаких снов не видела. И ничего не ощущала, кроме обиды. Во мне жила обида. На всех мужчин в этом городе. В этой стране. На этой планете. И все равно я хотела замуж. Мне не нужна карьера. Я хочу детей. Много. Очень много. Хочу сидеть на кухне и звонить занятым подругам. И чтобы свекровь громко хлопала дверью: дескать, хватит болтовней заниматься. Просто мечтаю стать замужней женщиной. Но пока у меня ничего нет – ни работы, ни мужа, ни семьи. Нет детей. И не предвидится. Даже в проекте. Одна мама. На всем белом свете. И я решительно вскочила на ноги. Хватит валяться в постели. Уже утро. Пора приниматься за поиски фарватера.

Глава 3

Мне давно никто не звонит. Стационарный телефон упорно молчит. Сотовый загадочно притих. Тишина. Полное забвение, друзья забыли обо мне, будто я умерла, меня уже нет на белом свете. Пора обзаводиться новыми связями. Список знакомых можно пополнить, новых друзей можно найти на тусовке. Легко. Пойду в «Европейскую». Там многолюдно. Угарно. Лживо. Невидимой ложью окутано все в этом старинном зале, начиная от люстры и стен, заканчивая оборками модных юбок записных красавиц славного города Питера. Жеманные лица укрыты вуалью зависти. Но великолепный зал и не такое видывал на своем веку. Его когда-то построили для большой и непрекращающейся игры в непреодолимый обман. Я стояла у входа в зал, ослепительный и сверкающий, одинокая и грустная, вся в белом, словно юная грузинская принцесса. Я приложила прохладные пальцы к ключицам и почувствовала тепло. Изнутри шло излучение. Жизненная энергия просилась наружу. Она клокотала, бурлила, пенилась. Это моя молодость радовалась, плясала и пела, она не хотела страдать и плакать, тосковать и мучиться, молодость требовала, жаждала, молила о счастье. Буду работать над собой. Стану повторять волшебные слова, как молитву. Я богатая, умная, красивая, молодая и успешная. У меня все хорошо. Жеманная публика видит лишь внешний облик. Внутренний мир спрячу за пазуху. Он станет моим оружием. Как пистолет. В «Европейской» сезонный бал в разгаре. Дамы повернули головы, встали в профиль, одна к одной, не головы – шляпы, это же не бал – шляпное пати, неожиданно, но не смертельно. Мужчин в зале мало. В дальнем углу владелец конкурирующей фирмы с супругой. А мне уже по барабану чужие конкуренты. Пусть теперь голова болит у «Максимахауса». А вот какой-то хлыщ в льняном костюме. Серый цвет. Мятая ткань. И изрядно помятое лицо в тон костюму. Тоже сойдет для шляпного вечера. Хлыщам здесь самое место. В углу крутится вечный тусовщик, наголо бритый, в сережках, перстнях и заколках. Весь блестит. Целиком блестит, с ног до головы, будто жиром намазанный, и лысина сияет, будто ее начистили наждаком, и заколки сверкают фальшивым блеском. Рядом с тусовщиком высится его юная жена. Полная девушка, заметно в теле, даже на глаз, не то чтобы на ощупь. По соседству грустят двое одинаковых мачо. И эти блестящие, оба вспотели от напряжения, ведь кругом столько дамского запаха. Воздух плотно пропитан духами. Не перенюхать за один раз. А вот несколько престарелых плейбоев. В «Европейской» всегда так. Мужчины выглядят колоритно, но не импозантно. Дамы старались выглядеть сногшибательно и перестарались. Выглядят, как всегда выглядят. Тоже блестят, а блеск у всех неестественный, ненастоящий. За версту заметна фальшь, лишь у некоторых тускло мерцают настоящие бриллианты. В разных местах. Но все мимо кассы. Истинных знатоков, кто смог бы оценить настоящую стоимость камней, в зале не видно. Прячутся по домам, отсиживают, брезгут. В моду вошло новое поветрие – не посещать публичные мероприятия, дескать, неинтеллигентно. Некруто. Негламурно. Не высший свет. Отстой. Пена. Ценители высокого и прекрасного ходят только в закрытые клубы. Я тряхнула головой. Здорово во мне желчь разыгралась. Не по возрасту. Пора включаться в компанию. Бодрым шагом направилась к дамской стайке в шляпках-таблетках. Поодаль расположились женщины в шляпах с широкими полями. Развесистые перья. Перчатки. Вуали. Боа. Туда не пойду. Опасно для жизни. Слишком шикарно. Разведут.

– Добрый вечер, – сказала я довольно приветливо.

Московские тусовки разительно отличаются от питерских, в столице друг друга в лицо не знают, вместе проводят вечернее и ночное время и тут же забывают, с кем выпивали, когда и сколько, утром физиономию собутельника и не вспомнят, при встрече не узнают и не поздороваются. Москва большая, там народу много, а в Питере каждая собака за углом и та виляет хвостом: мол, привет, как дела? В северном городе все сложно. Все друг друга знают, все знакомы, когда-то квасили вместе, дрались, любили. Кто-то по школе знаком, кто-то по даче, то

учились в одном классе, то в паре работали, сестра одного вышла замуж за приятеля другого, а подруга подруги оказывается женой корыстного начальника. И так далее. Все известные фамилии в городе на слуху, висят на ушах населения развесистыми сережками. Да и фамилий-то всего штук триста от силы в воздухе витает. Остальным место в табели о рангах строго заказано. Город разделен на кланы. А верховный клан сидит наверху и наблюдает. Зорко следит, чтобы чужие и нахальные за границу хлебных мест не заходили. Демаркационная линия. Шаг влево – огонь! Шаг вправо – шквальный огонь. Шаг прямо – бомбовый удар. И чужак терпит-терпит, а потом смиренно перебирается в столицу. Там проще. Жизнь дороже – понятное дело. Столица все сжирает, что дает. Иногда даже больше забирает, чем награждает. На то она и столица. Права у нее такие, полномочия большие, царские. Зато простору больше. Никто никого не знает. Свой или чужой – какая разница, придет время, и конкурент проглотит рядом сидящего, не подавится. Еще вчера вечером вместе выпивали, братались, сестрились, роднились, а утром легко спустили собутыльника в унитаз. Так ему и надо. Потому как – не суйся с суконным рылом в калашный ряд.

На мое приветствие никто не ответил, лишь мельком взглянули. Немудрено. Сразу видно, мой белый костюмчик по достоинству оценили. Чужая индивидуальность в женском наряде пришлась не по вкусу. Все дамское внимание обращено на хлыща в сером мятом костюме. Сухой, как жердь, желчный, с впалыми щеками, с редкими волосами, но сколько же в этом мужчине апломба, господи ты боже мой! Я встала рядом, прислушиваясь к беседе, в глубине души надеясь, вдруг что-нибудь умное услышу. Чужой ум пропустить не хочется. Это такая редкость в наш скудный век хип-хопа и хот-дога.

– Не читаю Донцову, не переносу Маринину, Акунина, обожаю Набокова, – изливался хлыщ, – телевизор не смотрю. А что там смотреть? Очередной «Дом» с какой-нибудь Ксюшей? Противно.

– Противно-противно, негламурно, – шумно загалдели дамы, поправляя шляпки со вспотевших лбов, на затылки. Бесполезное занятие. Шляпки плотным кольцом охватили дамские головы. И не сдвинуть тесные оковы даже танком. Прилипли намертво. Женщины взмахивали буклетами, будто держали в руках японские веера. Жарко. Душно. В зале не работал кондиционер, видимо, сломался, не выдержал дамского удушья.

– Когда я слышу современную песню в исполнении какой-нибудь Наташки из «Фабрики звезд», меня тошнит, – честно признался помятый господин.

Я неприкрыто злилась. Откровения светского льва не радовали. Все так, согласна. Мне самой не нравятся разные там «Дома» и «Няни», и я совсем не читаю модных писательниц и авторов. Признаю только писателей. И меня тошнит от пошлости в любом виде. Но ее много. Она навалилась отовсюду. Давит со всех сторон. Всех тошнит. Всю страну. Но слушать и смотреть что-то надо. Не зря же изобретатели придумали телевизор и радио. И без песни жить нельзя на свете, скучно без нее. К тому же, услышали бы Ксюша и Наташка излияния эстета в сером, вот они оттянулись бы на желчном господине. Вволю. Досыта.

– В бизнесе суровые законы, – продолжал серый эстет, – там нет сантиментов.

Пока злилась, упустила нить разговора. Пусть хлыщ разглагольствует о чем угодно, лишь бы не переключался на другую волну. А я направила стопы в другой угол. Может быть, там отыщу смысл сегодняшнего дня. С кем-нибудь познакомлюсь. И нечаянно найду работу. Неожиданно мне поступит предложение. За бокалом вина. Смех, да и только. Ну кто мне предложит работу в этом зале? Здесь одни тусовщики. Можно подумать, работа валяется на полу, не ленись – подбирай. Время лишь убиваю понапрасну. И мама не звонит, куда-то запропастилась. Где мой телефон? В сумочке. На дне. Но со дна сумочки ничего не доносилось. Ни звука. Даже мама меня забросила. Не беспокоится. Вообще-то напрасно злюсь, мама знает, в каких краях болтается единственная дочь. Я же предупредила ее: дескать, вечером иду на тусовку.

– Иди, развлекайся, Настя, отдыхай, – сухим и бесстрастным тоном сказала мама.

Она явно сердилась, маму раздражало мое легкомысленное отношение к быстротекущей жизни.

– Мама, вдруг я там увижу кого-нибудь из знакомых, заодно отдохну, расслаблюсь, я давно нигде не была, – сказала я, изнывая от желания наглубить родительнице.

– Да, я забыла, ты же у нас очень устала, тебе отдохнуть пора, – съязвила мама.

Все-таки не удержалась. Пошла на скандал. До зубов вооружилась агрессией.

– Мама, ты чем-то недовольна? – задала я риторический вопрос.

А в ответ тишина. Разумеется, ответ я уже знала. Единственная дочь и та неудачница. Ни мужа, ни работы. Иногда мне кажется, мама страстно желает выдать меня замуж, чтобы сбыть с рук. За кого угодно, даже за слепоглухонемого капитана дальнего плавания. Мне очень хочется выйти замуж, лишь бы мама успокоилась. Я послушала короткие гудки и отправилась на тусовку. В общем, живу светской жизнью, смотрю на людей. Между прочим, все присутствующие дамы в этом великолепном зале – бизнесвумены. Легкомысленные шляпки делают их слегка придурковатыми, но все эти женщины являются владелицами магазинов и салонов красоты, спортивных клубов и бензоколонок, лавок и ларьков. Не все женщины, разумеется, имеют отношение к среднему бизнесу. Есть побочные женщины, нагло прибившиеся к женскому предпринимательскому движению, именно к ним я и принадлежу. И не бизнесвумен, и не жена олигарха. И я ничего не умею, даже в бизнес не играю. Профессия у меня сложная, скучная. И совсем непрестижная, видимо, на большее я не способна. Зал переполнен, будто корзина с грибами. Душно. Много народу с улицы. Кого здесь только нет: фотографини и корреспондентки, журналистки и репортерши, есть еще разные редакторши и портнихи, парикмахерши и визажистки. Свой круг. Узкий. Сами стрижем, красим, мажем и тренируем. Сами фотографируем, пишем, и сами печатаем. Сами смотрим и читаем. Все сами делаем. Своими руками. Женский клуб. Родные лица. Престарелые звезды, увядшие примадонны, юные материалистки. И все в одном флаконе. Но я не могу работать стилистом. Я не умею фотографировать. И я не являюсь супругой олигарха. Мне не нашлось удобного места среди успешных женщин. Надо сгонять в туалет. Там есть большое зеркало, хочу внимательно рассмотреть лицо, вдруг глубокие переживания о разъединенности окружающего мира оставили на нем страшные следы в виде продольных морщин. О поперечных следах мне не хотелось задумываться. В туалете было тихо. Пусто. Я подергала дверь. Закрыто. Что там делают? Ни звука. Я поторчала у зеркала, построила рожицы, погримасничала. Тишина уплотнилась. Может, мне показалось? Дверь заклинило, я вновь подергала – глухо. Внутри кто-то есть. Мне не показалось. Послышался шум, смех, в туалет вошли еще две девушки. Никого не видят вокруг. Глаза закрыты попой, незримой, но надменной. Ринулись к дверям. Налегли плечом. Бесплезно. Тогда обе распахнули глаза и раздвинули губы, натягивая на лицо приветливые улыбки. Разглядели постороннего человека, разули глаза, скинули попону.

– Вы тоже? – спросили они в один голос, будто уже где-то репетировали речь.

– Тоже, – сказала я.

И ответно оскалила зубы. Агрессивно получилось. Мощно. В новом веке хищные женщины вошли в моду. А вечная красота устарела. Она никому не интересна. Я тоже решила стать хищницей, как все, вышло здорово. Девушки обалдели, а собственную жабу слегка придушили. И мигом протрезвели.

– Давно ждете? – спросили они.

Сказали опять в один голос. Какие-то неразлучные девушки. Неразлейвода. Даже физиономии у них одинаковые.

– Давно, – я сердито отвернулась к зеркалу.

Ненавижу женские туалеты. До тошноты. Вообще не переносу. Вечно возле женского туалета торчит толпа странных теток. Что они делают возле уписанного горшка – непонятно, чай из него пьют, что ли? В филармонии, в театре, в кинотеатре, где угодно, если есть женский

туалет, там всегда торчит огромный хвост из женских причесок. Смешно, но мне лично бывает не до смеха. И я посещаю исключительно мужские туалеты. Прошу какого-нибудь дядьку покараулить и мчусь справить нужду, стремительно справляю и так же стремительно испаряюсь из зоны мужского внимания. Оглушительно звякнула щеколда. Двери кабинок открылись одновременно. Появились две девушки. Несчастные. Заплаканные. Красные носы. Зато наряды – зашибись, шелковые платья от Versace, шикарные туфли от Christian Louboutin, на каждой забабахано по пять тысяч у.е. Всего десять. На двоих. Было бы от чего рыдать в присутствии унитаза. Это публика должна плакать от восторга. На нее же весь эффект рассчитан. Не поднимая зареванных глаз, бедные девушки удалились. Две оставшиеся девицы переглянулись с явным пониманием. А я почувствовала себя идиоткой. Мне расхотелось в туалет. Я расщедрилась и милостиво кивнула девушкам: дескать, пропускаю вперед. Уступаю дорогу. Они сунулись в сумочки и вытащили по аптечному пакетику. Вновь звякнули щеколдами. И в туалете наступила тишина, а во мне проснулось озарение. Господи, да они же кокаин вбивают. В обе ноздри. По килограмму в каждую. По штуке у.е. однозначно. Противно и противозаконно. Я пулей вылетела из дамской комнаты. Уныло побродила по залу. Нашла еду. Равнодушно поковырялась. Неохотно пожевала. Вечные тарталетки, жаркое из говядины, рыба под соусом. Шашлык на спичках. Что-то новенькое. Повара сменили в «Европейской», что ли? Светскую тусовку кормит сухими шашлыками, жесткими, как подошва. Ко мне подошел серый хлыщ. Видимо, надоел богатым теткам в шляпках, ищет новых и благодарных слушателей. Сейчас затянет нудную песню, как его тошнит от социума, от современной культуры. Меня тоже тошнит. Между прочим, я случайно попала в житейский переплет. С некоторых пор нахожусь в бедственном положении. Но я же ем жесткий шашлык. И не жалуясь на социум.

– Хотите вина? – спросил хлыщ.

Злобствующему господину в сером костюме даже выпить не с кем. У меня тоже нет компании. Все одна да одна. Даже выпивку не с кем разделить. И вдруг нашелся товарищ по несчастью. Весь в сером, а я в белом. Два сапога. Два одиночества. Надо поддержать тостующего.

– Хош-шуу, – прошамкала я набитым ртом.

Настоящая светская львица. Скоро стану знаковой фигурой.

– Я принесу. – Хлыщ огляделся по сторонам и тихо свистнул официанту.

Точно так, я не ошиблась. Он свистнул, тонко, едва слышно. Но официант мгновенно уловил, услышал птичий зов, подлетел к нам с подносом. Поднес выпивку сначала мне, затем хлыщу. Я выбрала красное вино. Понюхала. В нос ударил пряный аромат солнца... Из бокала пахло счастьем и летом. Божоле. Я отставила тарелку с шашлыком и тарталетками и принялась за вино. Вкусно, радостно. Хлыщ с интересом наблюдал за моим изысканным гурманством.

– Любите красное вино? – сказал он, покручивая ножку бокала.

Позер несчастный. Если хочешь выпить – пей. А не крути ножками, заодно глазками. Я окончательно рассердилась на хлыща. Невозможно вытерпеть. Меня изводила злость. Зачем я разговариваю с этим мужчиной, зачем мне встретились эти нарядные девушки в туалете, зачем я притащила свое тело на этот женский праздник? Мне стало жаль себя, безумно жаль. Зачем, для чего все это? Бессмыслица. Абсурд. Пальцы дрогнули. Бокал накренился. Вино вылилось. Тонкая алая струйка безошибочно выбрала объект попадания. Мишенью послужил серый костюм господина эстета. Хлыщ смертельно побледнел. Я попала в точку. Он ненавидит пятна. С детства. Я тоже ненавижу пятна. Разного вида и разного рода, а винные в особенности. Сегодня я нажила себе врага, нечаянно нажила. И такое случается на этом свете.

– Ради бога, ничего не нужно, не парьтесь, – отмахнулся хлыщ от моей салфетки.

Господин раздраженно дернул головой и спешно направился к выходу. Развлеклась Анастасия Николаевна Розанова, от всей души повеселилась. Новых друзей завела, знакомства, полезными связями обложила со всех сторон. Так мне и надо. Мужчина в сером костюме с разбегу налетел на стайку женщин в шляпах с широкими полями, видимо, его на мелкие куски

разбирала дьявольская злоба, он никого не видел и острым серым клином врезался в гущу потных тел. Дамы окружили его, схватили и куда-то поволокли. Так ему и надо, как и мне, поделом нам. Я перенесла горечь на другого человека и неожиданно успокоилась. Покой пришел сам по себе. Появился откуда-то сверху. Вдруг наступила ясность. Во всем. Не бывает ничего случайного, все, что происходит с нами, все предопределено. Высшие силы распоряжаются нашими мыслями и душами. Мне нужно было появиться здесь. А зачем и для чего, для горя или радости, я узнаю позже, гораздо позже. Я поставила пустой бокал на поднос официанту и удалилась. На прощание окинула взглядом зал. Высокопоставленные гости сбились в кучку, напоминая табун породистых лошадей. Они не имели права переступить табу. Их держало в жесткой узде кольцо запретов. Изредка к ним подводили нужных людей, и тогда породистые вступали в переговоры, решали сложные задачи, устраивали сделки, будто совершали бег по кругу. Они назначали и опускали, возвышали и унижали, прославляли и ошельмовывали. У них были права и полномочия. Так они думали. Это было написано на их лицах. Остальные благоговейно наблюдали за избранными. Между правообладателями и не обладающими им пролегла глубокая пропасть. Бездонная. Непреодолимая. Изредка над пропастью пролетала какая-то круглая дама. Она была между правом и бесправием. Между. Около. Рядом. Ближе ее не допустят. Одновременно круглая дама являлась олицетворением вселенского пространства. Она устраивала мировой порядок в этом зале. Заодно пристраивала нужных людей. Но меня не было в этом списке. Я оказалась лишней на празднике жизни. А развлечение все-таки получилось, я впихала в себя массу впечатлений, почти насильно, вместе с таралетками. А с господином в сером мне негде столкнуться. У нас разные рельсы. Он из другого теста. Из другого круга. В моем окружении такие мужчины не водятся. Наши дороги расходятся. Диаметрально. Параллельно. Я лишь нечаянно вылила на незнакомого мужчину бокал вина. Всякое может случиться. С каждым.

Глава 4

Это случилось давно. Два года назад. А будто тысячу лет прошло. Я только что окончила университет и пришла на работу в «Максихаус». Тогда все было просто – отправила резюме, меня пригласили на собеседование, предложили занять вакансию. Я согласилась. Меня приняли. Ввели в штат. На работе я никого не знала, всех боялась, пугливо вздрагивала, если ко мне обращались с просьбой. Великий Черников обратил на меня внимание на корпоративной вечеринке. Кругом все веселились, танцевали, а я стояла в углу. Испуганная серая мышка. На праздник меня притащила добрая, как солнечный день, Ирина Акимова. Она в то время еще не была беременной и даже не помышляла о замужестве. Ирина плясала цыганочку. А серая мышь Анастасия пряталась в уголке. И тут ко мне подошел Денис Михайлович. И публика затаила дыхание. Черников славился в «Максихаусе» как завязанный ловелас. Красавец, умница, богач. Все девчонки сохли по нему. Лишь я оставалась равнодушной к обольстительным чарам начальника. Всех беспокоил вопрос: а почему Черников до сих пор один? Ему уже тридцать восемь. Еще тридцать восемь. Голубые глаза, бездонные, влекущие. Прекрасный любовник. Это написано было на лице Черникова крупными буквами. По всем этажам бизнес-центра ходили легенды об искусной изощренности Черникова в постели. Маг, чародей, да и только. А я так думаю: путной женщины на него не нашлось в свое время. Она бы отучила его по бабам бегать.

– Скучаем? – спросил Денис Михайлович.

– Нет. Просто стою, смотрю, как народ веселится, – сказала я и слегка отпрянула в сторону.

– Хотите шампанского? – не отставал Черников.

– Нет, спасибо, – сказала я и снова сделала шаг в сторону.

«Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь». Магия Черникова на меня не подействовала. Абсолютно. Но мир зачастую бывает жестоким по отношению к юным барышням. И тогда Денис Михайлович использовал иную тактику, старую, как наша древняя планета, – Черников привык употреблять в дело все мыслимые и немыслимые способы на пути достижения цели. Почему-то в тот раз мишенью для воплощения мужских амбиций оказалась я – простая переводчица. Новая сотрудница. Все кругом казались мне странными, чужими, если не сказать больше – враждебно настроенными. Я никого толком не знала. Еще ни с кем не познакомилась. Это потом я со всеми подружилась, мы стали одной семьей. А в тот злополучный вечер я была одна, совсем одна. И Черников воспользовался моей неопытностью. Он принес мне шампанское, заставил выпить целый бокал. Уговорил, нажал, надавил на больную мозоль, воздействовал на мое чувство страха. Я краснела, икала, вздрагивала, но одолела угощение, выпила яду, называется. А утром проснулась в постели Черникова. Помню жуткое ощущение стыда. Жуткое и жгучее. Но Денис не рефлексировал в отличие от меня, бодрый и трезвый, он принес мне горячего чая, холодного шампанского, каких-то закусок, и мы продолжили вечеринку. Веселье затянулось на три дня. Денис очаровал меня. Он и впрямь был искусным любовником. Мою неопытность он как бы не заметил. Денис играл со мной, как с котенком. Черников исполнял две роли – дирижера и музыканта, он заставил мое тело звучать, откликаться на желания, слышать его, чувствовать. Я влюбилась в Черникова всерьез и надолго. У нас завязался роман. Больше всех радовалась мама. Она уже не хотела заполучить в родственники слепоглухонемого капитана дальнего плавания. Маму вполне устраивал управляющий директор компании «Максихаус». А мы с Денисом никого не слушали. Дни и ночи напролет проводили в постели, то у него, то у меня. И нам было все нипочем, пока я не отрезвела. Шампанское выветрилось, дурман ушел, сознание прояснилось. Я стала замечать в Черникове недостатки. А чуть позже поняла, что не люблю его, категорически не люблю.

А он не любит меня. Ему нравится заниматься со мной любовью. Я устраиваю Дениса как потенциальная супруга. И все. За этим желанием ничего не было – ни любви, ни ненависти, одно равнодушие. Просто я вписывалась в схему конструкции. Послушная и верная жена, в меру примитивная, в меру симпатичная. Именно по этой шкале оценивал меня Денис Михайлович. Опытный соблазнитель заблуждался. Однажды я ощутила в себе лед. Как раковая опухоль, ледяные наросты заполняли мое тело. А Черников излучал искусственное счастье, каждую минуту звонил, беспокоился, волновался. Кажется, он боялся потерять меня. И потерял. Я ушла из его жизни, не выдержала, сломалась, всегда была мерзлячкой. Да, я хочу выйти замуж, но за любимого мужчину. Ледяной рыцарь не для меня. Это был бы неравный брак, слишком неравный, настоящий мезальянс. И вот прошло два года. Нет. Не два года. Миновало тысячу лет. Никто в «Максимахаусе» так и не узнал, что между нами произошло. Мы сумели скрыть от окружающих наши неглубокие отношения. Но Черников затаил злобу. Он искал случай, чтобы выместить обиду, сполна отплатить за причиненное унижение. И случай не заставил себя долго ждать. Ему помог в этом неведомый мне Марк Горюнов. С его помощью Черников уничтожил меня, раздавил, будто муху. Мне больше нечего делать в Питере. Надо двигаться в столицу. Там много народу, очень много, можно легко затеряться в толпе. И никакой Черников не достанет. И вдруг мне пришел ответ из Москвы, наконец-то. На миллион моих резюме откликнулась всего одна московская компания, ей срочно требовался переводчик. Мама выделила деньги на дорогу, собрала вещи, и я отправилась на Московский вокзал. Постояла у памятника Петру Великому. Попрощалась с ним, поклонилась. Достала билет, посмотрела номер вагона. Тринадцатый. Вот это да. Счастливый номер попался, мне во всем везет. Грязный и длинный поезд. Жуткое амбре, титан с углями, густой пар от кипятка, сквозняк в тамбуре. В купе уже были пассажиры. На верхней полке лежал юноша, а на нижней валяжно развалился молодой мужчина. Две полки оставались пустыми. Я поморщилась. Нахождение в закрытом пространстве с незнакомыми людьми для меня лично приравнивается к камере пыток. Дурной запах, трухлявая пыль от матрацев. А на самолет у меня нет денег, мне приходится экономить. Придется вытерпеть мучения. Ведь впереди меня ждет столичная жизнь, интенсивный ритм, продвинутый социум. Питер давно превратился в провинцию, его окончательно стубили кланы и местечковые интересы. В Москве на каждом углу подстерегают новые знакомства, нужные связи. Может, в столице я встречу свою судьбу и выйду, наконец, замуж? А маму заберу к себе. Непременно заберу. Нечего ей в Питере делать.

– Вы хотите занять нижнюю полку? – навис над ухом мужской голос.

Неожиданно навис, я даже вздрогнула, обернулась. Солидный господин, пока он будет взбираться на верхнюю полку, его суставы в порошок сотрутся. Сверху песок посыплется. Такой Эверест ему явно не по силам.

– А вам не сложно взбираться наверх? – спросила я и покраснела.

Разве можно задавать подобные вопросы солидному господину? Категорически нельзя. Обидится мужчина, непременно обидится.

– Нет, не сложно, я всегда готов услужить даме, – сказал мужчина и улыбнулся.

«Дама» приподняла левое плечо в знак благодарности. И взглянула на номер полки. Тринадцать. Тринадцатый вагон, тринадцатое место. Это уже слишком. Даже для безработной девушки. Я помрачнела.

– Извините, вы уступили мне место потому, что не хотите спать на тринадцатой полке? – спросила я.

В эту минуту я ненавидела весь мужской мир с его принципами, взглядами, установками, суевериями, в конце концов.

– Что вы, нет, конечно, я же сказал, что всегда уступаю дамам место, пропускаю их вперед, – ответил персональный пенсионер и кочетом взлетел на верхнюю полку. Для пенсионера слишком легко взлетел. Зря я на него ополчилась. Вежливый мужчина оказался, благородный.

В Питере все такие. Поеду на тринадцатом месте. Не возвращаться же домой по мистическим показателям. Странное ощущение, ты еще в городе, но тебя уже нет. Какое-то вечное между, около, поодаль. Межпространственное состояние. Попутчики незаметно уснули, неразговорчивые попались, не пили водку, как умалишенные, не долдонили о спорте. Сразу завалились спать, не храпят, не сопят, тихие, неслышные, будто и не мужчины вовсе. Я немного поворочалась на жестком ложе. Неудобно, пыльно. Гораздо приятнее летать самолетом. С другой стороны, авиация постоянно подводит. То в воздухе самолет взорвется, то на землю со всей силы бабахнется, потом еще долго обломки подбирают по всей округе. Земля ведь твердая. Поезд – самый безопасный вид транспорта. Под стук колес я задремала.

И мне приснился дивный сон, вещий. Передо мной стоял незнакомый мужчина. Красивый, умный, сильный. Мне показалось, что я никогда не видела его в реальной жизни. Может, видела мельком. Не знаю точно. Странно, но во сне я знала, что вижу сон. И мужчина говорил мне о своей любви. А я нежно касалась его руки. Отличная рука, мужская, надежная. Я пугалась, отдергивала руку, краснела, извинялась, оправдывалась, что коснулась нечаянно. Но мужчина и сам хотел прикасаться ко мне, но не смел. И он радовался моим наивным хитростям. Мы будто переливали друг в друга энергию. И мне хотелось взлететь, высоко взлететь, воспарить птицей, добраться до самых звезд... А незнакомец ласково прикасался ко мне, к моей руке. Мы словно играли нашими руками. И нам было хорошо. Мы были счастливы. И я проснулась с ощущением великого восторга. В окно пробивалось солнце. Яркое, игривое, задорное, юное. Оно заливало узкое купе жаркими лучами. Скоро все изменится. Я стану сильной и независимой. В столице встречу свою судьбу, обрету любовь, выйду, наконец, замуж. Но кто этот прекрасный незнакомец из моего дивного сна? Вот бы сон в руку, в столице я непременно встречу с незнакомцем из сновидения. Вроде бы я не встречала его наяву. Это не актер, не звезда, не модный продюсер. И почему он пришел ко мне в поезд, в тринадцатый вагон, на тринадцатую полку? Улыбчивое лицо, крепкая рука, мягкая и ласковая ладонь. Уютные пальцы, родные, будто я знала их всегда, помню каждую косточку, выемку, впадинку на этих руках. Я сжала ладони, переплела пальцы. Крепко сжала. Руки запомнили ласковое прикосновение. Незнакомец остался во мне, в моих руках. Навсегда.

Поезд подошел к столице. Пока я разбирала свой сон на части и эпизоды, по колесу, по винтику, состав уже подкатил к платформе. Послышался металлический скрежет, визг, скрип, и состав замер, застыл. Попутчики незаметно испарились, словно тени в полдень, будто их никогда не было в купе. Я вышла на перрон и зажмурилась. Солнце, столичное солнце, в Питере такого не бывает. Огненное светило взобралось на июльскую вершину, презрев законы природы. На дворе конец октября, а в столице по-летнему жарко. Я расстегнула куртку, бросила кепку в кофр. Обойдусь без гостиницы. Прямо с вокзала поеду к работодателю. Иначе тепленькое местечко уплывет в чужие руки. Надо поторопиться за удачей, а то она сбежит, непременно сбежит, капризная, манерная, жантильная удача. На вокзале повсюду валялись бомжи и нищие, грязные, нахальные, липкие. Примета времени. Эталон эпохи. Едкий запах застарелой мочи и свежего кала. Повсюду серые лица, усталые глаза, злые милиционеры, пассажиры, дотла утомленные мегаполисной жизнью. Столичные нравы, что поделаешь. В московском метро уныло и скучно. На лицах пассажиров глубокая печать озабоченности. Кажется, заденешь кого-нибудь плечом нечаянно, сразу по физиономии получишь за то, что ненароком прервала нить долгих и бесплодных размышлений. Я никого не задела, осторожно обошла людской поток, как нечто опасное и кровожадное, и вышла в «Сокольниках». Почти центр столицы, значит, компания процветает. Аренда здесь высокая, бешеная, много вывесок, рекламы, огней. Вечно спешащие москвичи. Опять бомжи и нищие. Кажется, они повсюду, будто преследуют меня всеми сорока ногами. Я вошла в здание бизнес-центра. Подошла к охраннику и представилась. Розанова Анастасия. Без отчества. Меня ждут. Приглашали. И пропуск приготовили.

– Паспорт, – процедил сотрудник службы безопасности. Хмурый, тусклый, вялый. В глазах скука смертная.

– Минуту, – сказала я и полезла в сумочку.

Паспорта не было. Как не было и кошелек. Все остальное болталось на дне сумочки. Разные там помады и тюбики. И еще я нащупала сотовый. Спасибо за телефон, оставили, видимо, не добрались. Связь с внешним миром мне еще пригодится. Полный экстрим. Пока я глазела на столицу, меня подло обокрали, обчистили, наверное, бомжи. Не зря же они меня преследовали по пятам.

– Извините, паспорта нет, кажется, у меня украли документы и деньги, – прошептала я, пытаюсь заглянуть в глаза охраннику.

Но у него не было глаз. На их месте зияли черные дыры. Пустые, полые.

– Проходите, девушка, не загораживайте проход, не мешайте, – сказал охранник и грубо оттер меня плечом к выходу.

Слезы вскипели, но я удержала шлюзы. Ничего страшного не случилось. Я пыталась успокоиться. Меня могли обокрасть в поезде. На вокзале. В метро. Где угодно. Страшный мегаполис. Бездумный, бездушный. Но у меня есть сотовый. Связь с окружающим миром на дне сумочки завалилась. Я набрала номер.

– Игорь Юрьевич, доброе утро, извините, добрый день. Я Розанова. Анастасия Николаевна. Стою внизу, возле охраны. У меня украли паспорт. На вокзале. В поезде. На улице, – я перечисляла возможные варианты.

Вариантов много было. А во мне бушевал стресс, в голове что-то шумело и звенело. От страха, от неожиданности, от обиды. Неприятно. Почему именно я оказалась в экстремальной ситуации? Поезд большой, пассажиров много, а кому-то приглянулся именно мой паспорт. Денег немного было, хоть это радует. Ворам не повезло.

– Где-где? – сказал работодатель.

Его зовут Игорь Юрьевич. Он написал мне письмо. Мое пространное резюме заинтересовало его. Но без паспорта я никому не нужна. Столица не принимает в свое чрево людей без документов.

– Не знаю, где, – всхлипнула я, – в поезде, наверное. Меня охранник не пропускает.

– Сейчас спущусь, подождите, – сказал Игорь Юрьевич.

И в моей душе тотчас запели птицы. Все отлично. Всякое бывает на белом свете. Пока есть на земле хорошие люди, человечеству не угрожает повальное вымирание. Сейчас придет Игорь Юрьевич и что-нибудь придумает. Он же мужчина. А у меня есть билет. Использованный. С моей фамилией. Есть телефон. Я могу позвонить маме, и она подтвердит, что я являюсь единственным ребенком в семье Розановых.

– Добрый день, вы – Анастасия Николаевна? – прошелестело над ухом.

Я подняла голову и обомлела. Головокружение. Обморок. Коматоз. Ступор. Все нервные и смертельные состояния прошли сквозь мой организм, прошагали через него, как солдаты, четко, чеканно, строем. Передо мной стоял хлыщ в сером костюме. Тот самый. Из «Европейской». Хлыщ с первого кивка узнал меня, надо же, запомнил случайный эпизод. Он же не идиот, все-таки в крупной компании работает. Руководитель проекта. И пятно на том же месте, и костюм все тот же. Кажется, пятно привыкло к новой среде обитания, сроднилось с ним.

– К сожалению, вы опоздали, мы уже приняли на работу сотрудника. Понимаете, нашу компанию купил Марк Горюх, вы слышали что-нибудь о нем? – сказал Игорь Юрьевич.

Я кивнула. Слышала. Знаю. Настродалась от него. Сухой тон. Скрипучие слова. Песок. Серый и липкий песок. Хлыщ не мог произнести на свет другие слова. По определению. Я облила его вином. Посадила пятно на серый костюм. Ехала в тринадцатом вагоне. На тринадцатом месте. Откуда же взяться пониманию? В пустыне его не бывает. Там даже воды нет. Все высохло.

– Так вот, Марк Горов создал новую концепцию развития нашей корпорации. Высокие технологии, западные программы. Мы уже приняли на работу специалиста с дипломом Гарварда. Извините, что пришлось вас побеспокоить. Извините, пожалуйста, Анастасия Николаевна.

Какой вежливый мужчина, культурный, воспитанный, не зря в столице проживает. И зачем я на него бокал с вином опрокинула? Теперь все кончилось. Мне даже в Питер не на что вернуться. Деньги украли. И билет без паспорта не купить. Я смотрела на Игоря Юрьевича с ненавистью, мне хотелось наглубить ему, выкрикнуть злые слова, дескать, а зачем ты меня в столицу позвал? Ведь я надеялась, верила, выехала по приглашению. Но я сдержалась. Не нахамила, не наглубила, хамством горю не поможешь. Вдруг этот Игорь Юрьевич встретится на моем пути еще раз, ведь однажды я его видела, зачем плодить великое зло на планете? Можно обойтись без упреков. Игорь Юрьевич отвел взгляд, видимо, догадался, прочитал мои мысли. Экстрасенс, эстет.

– Вот вам деньги на обратный билет, возвращать не нужно, – сказал он и ушел.

Игорь Юрьевич не попрощался. На то он и хлыщ, они же всегда выше условностей. С непринужденной легкостью работодатель избавился от ненужного элемента. Я разжала кулак. Тысяча рублей. Плацкартное место. Общий вагон. Ничего страшного, как-нибудь доберусь до Питера. Куплю билет у перекупщиков. Они документов не спрашивают. Мой паспорт им без надобности. Лишь бы до дома добраться. А дома и стены помогают. Нечего задаром по столицам обретаться. Все равно денег больше нет. Красть у меня больше нечего.

Глава 5

Унылое настроение. Осень. Пронзительно ясный воздух. Синее небо, солнце. В моей душе до сих пор живет дивный сон. Будто таинственный незнакомец вселился в меня. Навсегда. Я была не одна. И одна. И еще вместе со мной жили мои проблемы. Попытки устроиться на работу через знакомых не увенчались успехом. Мама волновалась, но не подавала виду. Держала стойку. Ира Акимова усиленно сватала меня за Черникова.

– Ир, я не буду ему звонить и не выйду за него замуж, – отнекивалась я.

Как могла, я отбивалась от нападков настойчивой подруги.

– Настя, позвони, Денис ждет твоего звонка, тебе надо выходить замуж. Или – не надо? – настоятельно талдычила Ирина.

Она долбила по темечку. Каждый день, капля за каплей. Не иначе заказ от Черникова получила. И заодно аванс, и немалый, а теперь отрабатывает, что-то уж слишком старается.

– Да пошел он куда подальше, – сказала я, отбивая очередную атаку.

– Ну и сиди одна-одинешенька, соси лапу. Работы нет. Поклонников на горизонте что-то не видно. Можно подумать, женихи в очередь выстроились, смотри, Настя, разбросаясь хорошими парнями, потом никто замуж не возьмет, – шантажировала Акимова.

– Я не люблю Черникова и не смогу с ним жить под одной крышей, есть из одной тарелки, спать в одной постели, – сказала я, испытывая приступ тошноты.

Воображение нарисовало яркую картинку. Черников нежно гладит мою руку, сжимает, ласкает. Я сжала кулак. Не позволю. Моя рука принадлежит незнакомцу из сна, явившемуся ко мне ночью в вагоне под номером тринадцать.

– Дура ты, Настя, зачем тебе есть с ним из одной тарелки? Никто этого не делает. Тарелки у всех разные, и все нормальные люди давно спят отдельно, спать с ним вместе совсем необязательно. Сделаешь отдельные спальни, – настойчиво увещевала Акимова.

– Ир, отстань, а, – сказала я.

И я повесила трубку. Ирку Акимову вычеркну из списка благодетелей, отработанный материал, она мне не помощница. Кто там у нас идет следующим номером – Вера? Нужно набраться храбрости и позвонить нелюбимой подружке, откинув чувство собственного достоинства, как старое пальто. Мне трудно позвонить, рука дрожит. Неловко, стыдно одалживаться. Как заставить себя набрать номер твердой рукой, без дрожи в пальцах? Друзья должны помогать друг другу в тяжелых обстоятельствах. И пусть они в чем-то заблуждаются, ошибаются, но они встретились когда-то на жизненной дороге, вместе идут по временному отрезку, значит, обязаны протянуть руку помощи попавшему в беду. У Веры в доме собираются солидные люди. Они дружат с мужем Веры. Все гости – разные там продюсеры, режиссеры, банкиры и олигархи. Позвоню и попрошусь на вечеринку. Вдруг мне повезет, и я с кем-нибудь познакомлюсь. Соблазню какого-нибудь важного господина глубоким декольте. И найду себе работу. А может, встречу там таинственного незнакомца из сна или человека, похожего на него хотя бы слегка – поворотом головы, ласковым прищуром глаз. Нет, это невозможно, такие люди существуют в природе в единственном экземпляре.

Звонить Вере не хотелось, не люблю я эту Веру, но нужно перешагнуть через себя. Ведь я должна жить дальше, а в жизни труднее всего преодолевать собственное самолюбие. И преодоление требуется во всем – в работе, дружбе, любви. Работа осталась позади. Любви нет. Женихи закончились. Подруги замужем. Все давно и плотно сидят дома. У подруг одни и те же разговоры – денег не хватает, дети не слушаются, короче, тоска зеленая, муть голубая. Зато Вера соответствует всем современным параметрам красоты и успеха. Высокая – метр семьдесят шесть – симпатичная блондинка, глаза миндалевидные, осиная талия, длинные ноги, все при ней. Есть на что посмотреть и что потрогать. Но это еще не все, ведь телесных достоинств

мало. Моя подруга ловко объезжает успех. Вера – искусная наездница. Она с рождения гонится за успехом, иногда догоняет. Мчится стремглав с плеткой в руке. Вера жутко боится прослыть простодушной, быть хуже других, пуще всего на свете она страшится упустить удачу. Современный мир взмок в гонке за благополучием. Бежит, бежит и никак не добежит до финиша. Определить меру успеха трудно, практически невозможно, поэтому финиша как такового не существует. Все равно у кого-то где-то что-то будет больше, шире, лучше, длиннее. И планка опять стала выше. И вновь тщеславный мир со всех ног пускается в погоню за абстрактным фетишем, подстегивая нагайкой уязвленное самолюбие.

– Бай, Вера, – буркнула я в мембрану, преодолевая разбушевавшееся эго.

Моя тонкая душа изрядно бунтовала, а насилие над личностью не проходит бесследно, причем любое насилие, даже самое микроскопическое. Вера тщательно следит за первоочередностью прозвонов. Кто кому первым позвонил, кто что подарил, когда поздравил, куда пригласил, все строго отслеживается, фиксируется. Пропускается через фильтр. У Веры есть муж, всем мужьям муж. Самый лучший муж на свете, первостатейный. Виктор Редник – модный драматург, высокооплачиваемый, дорогостоящий, у него самое брендовое лицо из всех драматургов. В семье всегда уйма денег. Жизнь в драматургическом очаге раскатана на широкую ногу. Вера и сама пишет дамские романы. А модный муж аккуратным почерком переписывает шедевр, и читательницам жутко нравится, особенно в начале процесса. Я не разговариваю с Верой на литературные темы. Если скажу подруге случайно правду, чистую правду, и ничего кроме голой правды, мне не с кем будет проводить свободное время. А я нынче числюсь свободной женщиной.

– Настя, ты? – спрашивает Вера после долгой паузы.

А я молчу. Пытаюсь соорудить тайну. Из пустяка. Понятное дело, что звоню я, но на вопрос нужно отвечать, а у меня внутри уже завелась злость, будто сверчок. Я переживаю, терплю, борюсь с раздражением, пусть злость схлынет.

– А я тебе звонила, – сообщила Вера в молчаливую трубку.

Подруга не дождалась ответа. И она мне не звонила. Врет. Зачем? Непонятно.

– Я тебе тоже звонила, – сообщила я.

Тоже вру. Обман налицо. Зачем вру? Не знаю. Для парности, наверное. Чтобы не скучно было.

– Когда? – напевно протянула Вера. – На трубку?

– А-а-га, – радостно поддакнула я, – сорвался звонок, видимо.

– Давай встретимся, – бесцветным голосом предложила Вера.

И наступило молчание. Я судорожно соображаю, стоит ли отключаться. Ведь современная связь – дело ненадежное.

– Куда ты пропала? – громко возникает в моем ухе Вера.

– А я думала, что это ты пропала, – ловко парирую я.

– А я посуду мою, у меня теперь посудомоечная, – Верин голос опять куда-то уполз. Наверное, в посудомоечную машину. А у меня окончательно испортилось настроение. Напрасно боролась с самолюбием, ничего из моей затеи не вышло.

– Новую книгу продала? – спросила я.

Я уже сожалела о том, что набрала номер. Теперь мне не отключиться, придется выдерживать балаган чужого тщеславия до конца. Лучше бы занималась поиском удобных вариантов в одиночестве.

– Да, продала в одно издательство, там, Настя, мурыжат по полгода, денег не платят, обманывают, за нос водят, еле-еле бабки выдернула, – едва слышалось сквозь оглушительный шум.

То ли Верин голос звенел от нахлынувшей удачи, то ли вода шумела, отмывая писательские и драматургические тарелки, но у меня создалось впечатление, что я слышу лишь обрывки слов, без окончаний, ударений и даже без всякого смысла.

– Давай встретимся, – вдруг громом грянуло в ухе.

С ударением и смыслом. Как барабан. Тамтам.

– Давай, – сказала я.

И уныло потянула носом. Попала Настя, опять попала в переплет.

– Я сейчас приеду к тебе, – еще громче грянуло в перепонках.

Где-то за трубкой что-то грохнуло, звякнуло, застучало. Словно отбойный молоток. Налицо взрыв творческого самолюбия.

– Ну, приезжай, – согласно шепнула я в онемевшую трубку, презирая себя за малодушие. Было за что возненавидеть собственное безволие. Презренная жалость сумела вползти в мое одинокое сердце. Я пожалела себя. Решила одолжиться у подруги. Ничего она не сделает. Ничем мне не поможет. Не тот человек. Но дело уже сделано. Противно до рвоты. Я осмотрела кухню. Бивуак женщины, крепость, траншея. Можно спокойно обороняться от врагов. Мой холодильник до отказа забит заморскими продуктами. А у меня пропал аппетит. Престижные продукты остались с давних и благополучных времен, когда у меня еще была работа. Раньше я отоваривалась исключительно в супермаркетах. Это нынче чрезвычайно модно. В супермаркеты ходят семьями, компаниями, ватагами. Ездят по огромным залам на тележках. Выбирают себе корм. Вообще-то удобно, сытно, но не очень съестно. Генная инженерия перестаралась. С виду вкусно, а внутри вредно. Еда быстро выходит из строя. Через день продукты из супермаркета заметно ссыхаются, морщатся, тускнеют. Пока я оглядывала свое обиталище, раздался оглушительный звонок. Все звонки я распознаю с первой трели. Вера звонит оглушительно и стремительно, дескать, открывайте немедленно, не могу больше стоять, все горит внутри. Пожар, костер, пламя. Посижу немного с вами, побегу дальше. Срочно нужно бежать за удачей, иначе она скроется за горизонтом. Мама звонит по-родственному, как-то очень привычно музыкально, будто убаюкивает. Ира Акимова трезвонит бережно, осторожно, словно детским колокольчиком звенит. Вечная кормящая мать всех обездоленных.

Вера примчалась на крыльях, видимо, в одном месте здорово припекло, соскучилась. Раньше подруга любила наезжать ко мне, когда у нее случались проблемы. И она всласть оттягивалась, слушая мои рекомендации по выходу из кризиса. К счастью, экономических сбоев у Веры не бывает. Мою подругу сложно загнать в бездну. Она сама кого угодно загонит в преисподнюю. А вдруг из моей затеи что-нибудь все-таки получится? И Вера поможет мне. Дружья должны подставлять локоть в беде, и не только локоть, но и руку, и плечо, и спину. Даже ногу, в общем, кто на что способен. Так принято в нашей стране. Если мы не будем помогать один другому, то быстро вымрем. Быстро и незаметно.

– Держи, это тебе. – Вера озабоченно сует мне в руки букет цветов, будто застарелый долг отдает.

Древняя традиция. Существует общее мнение, будто я люблю роскошные букеты. И Вера строго соблюдает ритуал дарения. Я ставлю розы в вазу. Наливаю воду. Высокий бокал с ножкой. Красиво. Лучше бы эти цветы мне привез таинственный незнакомец из дивного сна. Господи, наваждение какое-то. С ума схожу, что ли. Раньше меня повсюду бомжи преследовали, теперь сновидения наяву грезятся. Я едва не заплакала от горя. И тут же взяла себя в руки. Подтянулась. Слезы мгновенно высохли. Превосходный аутотренинг. Психологический прием высокого класса. Вполне сгодится вместо рюмки коньяка.

– Как жизнь молодая? – спросила Вера и тут же забыла, о чем спрашивала.

Подруга юлой завертелась по кухне, видимо, выглядывала новые признаки чужого превосходства, желая немедленно прикарманить, тайком уворовать, чтобы завести точь-в-точь такие же порядки у себя в доме. Нельзя же отставать от подруг. Надо держать марку, бренд,

имидж. Что там еще держат? Ах да, рейтинг. А он никак удержаться не может. Все время падает и падает. Подруга присела, молчит, ждет. Веру можно удивить лишь чужой неприятностью. Сейчас начну свой рассказ, пусть порадуются.

– А меня с работы уволили, – сказала я.

– Да ты что! – воскликнула Вера, нервно потирая ладони.

В тоне преуспевающей женщины много радости и иронии. Коктейль из дамских чувств. Вера не так глупа. Она понимает, что я не просто так позвонила, явно буду вызывать о помощи.

– Компанию продали, всех сотрудников поголовно увольняют, одного за другим, только Ирке Акимовой повезло, она в декретном отпуске по уходу за ребенком, – негромко сказала я, исподволь наблюдая за Вериной реакцией.

– Да ты что! – снова воскликнула Вера, и радостно как-то воскликнула. Моя лучшая подруга не смогла удержать рвущегося наружу удовольствия. – Вот это новость, а когда компанию продали?

– Продали давно, а увольняют сейчас, – проворковала я, мысленно удивляясь женской беспардонности.

Подруга пришла ко мне домой, мы давно не виделись, она хочет поделиться со мной своими проблемами. Наверное, Вера жаждет получить определенную порцию сострадания от меня и, не стесняясь, выставляет напоказ бурную радость по поводу моего увольнения. Да, у меня случилась неприятность. Но это же временное затмение. Когда-нибудь все получится. И будет еще лучше. Состоится. Выйдет. Все будет хорошо, пока восходит солнце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.